УДК 111.5

БЫТИЕ И СУДЬБА ИННОВАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВЛАСТИ

Лёвкина Анастасия Олеговна,
Тюменский государственный университет,
кафедра математических методов,
информационных технологий и систем
управления в экономике,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: anastasia@orgpsiholog.com

Аннотация
Статья посвящена осмыслению онтологических аспектов инноваций во взаимосвязи с феноменом власти с позиций гуманистического подхода, опирающегося на ценности разумной свободы воли и творчества человека. Творческая активность и деятельность человека или группы людей с целью решить актуальные общественные проблемы и задачи определена как сущностная причина инновации на стадии изобретения. Власть рассматривается как контекст современной инновационной деятельности, актуальный способ управления общественным развитием и организации общественной деятельности. Соответственно, феномен власти как контекст и как продукт культуры может быть трансформирован или исключён из культурного контекста в процессе прогрессивного инновационного развития общества. Для осуществления стратегических преобразований форм и механизмов социально-экономических отношений в обществе в соответствии с целями устойчивого развития обоснованы рекомендации по разработке инновационной политики, продвигающей и поддерживающей стратегические социальные инновации.

Ключевые понятия:
инновации,
инновационное развитие,
власть,
государственная власть,
инновационная политика,
онтология инноваций,
социальные инновации.

Введение

Сегодня много говорится об инновационном развитии общества, инновационном развитии территорий и об инновациях вообще и, в особенности, в ключе необходимости устойчивого (сбалансированного) развития общества. Но на практике возникает множество противоречий уже на этапе разработки государственной инновационной политики устойчивого развития: проявляются различия в ценностных и смысловых установках власти, бизнеса и общества к определению приоритетов инновационного развития, трудности в разработке инструментов инновационного развития, адекватных актуальной социально-экономической системе. Идентификация данных противоречий позволяет более осознанно подходить к разработке инновационной политики, однако для понимания их базовых причин необходимо осмысление взаимоотношений феноменов власти и инноваций.

Инновация – результат творческой изобретательской деятельности человека, который предполагает создание «вещи, реального предмета, механизма или приёма, который разрешает определенную проблему» (Рубинштейн С.Л., 2015) и их дальнейшую интеграцию или «социализацию». Таким образом, суть инновационной деятельности гуманного общества состоит, в первую очередь, в его прогрессивном развитии посредством решения общественно значимых проблем наиболее рациональным и этичным способом. Хотя истоки творческой деятельности индивида лежат в его свободном индивидуальном «Я» (Бердяев Н.А., 1916), позицию «рулевого» в общественном инновационном развитии занимает государственная и финансово-промышленная власть, представленная конкретными людьми, транслирующими свои взгляды и защищающими свои интересы.

При этом феномен власти непосредственно связан с возможностью навязывания своей воли и реализации своих интересов посредством направления деятельности людей в «нужное русло», по сути подчинения их воли. Так, в словаре XIX века власть в широком и общем смысле определяется как «господство воли одной личности над волей другой» (Арсеньев К.К., Петрушевский Ф.Ф., 1892, стр. 676). В словарях советского периода – как «способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства – авторитета, права, насилия

(Фролов И.Т., 1986). Таким образом, *вопрос существования инноваций как результатов свободной творческой деятельности в контексте власти по существу представляет вопрос о возможности существования результатов свободного творчества индивида в условиях подавления его воли*.

Судьба инноваций на территории власти

Инновационная деятельность реализуется на территории власти и физически (в ограниченном пространстве), и метафизически (в смысловом, правовом, ресурсном пространстве власти). В современном мире инновационная политика всегда предполагает ее отношение к определенной территории. «Территория есть пространство государства, занятое его населением, где в полной мере действует власть политической элиты» (Кашанина Т.В., Кашанин А.В., 2000). Сегодняшняя цивилизация предполагает разделение общего жизненного пространства человечества на множество территорий, для каждой из которых характерен свой политический, социально-экономический и культурный контекст.

Причиной инновации на стадии изобретения является творческая активность и деятельность человека или группы людей с целью решить актуальные личные и общественные проблемы и задачи. Однако общемировые контекстные условия – социально-экономический порядок, основанный на власти и капитале, определяет ограничения выбора при социализации изобретений. Возможности трансформации изобретения в инновацию в современном типе хозяйства лимитированы: ориентацией на критерий прибыльности, окупаемости, возможностью и стремлением защитить патентные права на изобретение, обеспечением конкурентных преимуществ (Davila T., Epstein M., Shelton R., 2012; Trott P., 2011).

Существующий социально-экономический и политический контекст обусловливает сдерживание инновационного развития гуманного общества и способствует усилению антигуманных тенденций.

В качестве базового условия для внедрения инновации в условиях власти и капитала является способность обеспечивать рост капитала (политического и финансового). Учитывая степень концентрации мировых финансово-производственных ресурсов (Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S., 2011), *главным критерием отбора инноваций оказывается не просто прибыльность одной инновации, но ее способность увеличивать прибыльность всего «инвестиционного портфеля» основных владельцев капитала*. Данное условие фактически накладывает запрет на действительно «прорывные», стратегические инновации, способные «закрывать» целые холдинги или даже отрасли хозяйствования. Стратегические социально значимые инновации способны значительно повышать степень автономности жизнеобеспечения потенциального потребителя и потому являются причиной резкого снижения прибыльности широкого спектра инновационных проектов, решающих проблемы лишь на тактическом уровне. Экологические инновации также «не вписываются» в систему «фильтра прибыльности» инноваций на уровне бизнеса. Кроме того, экстерриториальный характер современных власти и капитала приводит к тому, что в расчетах «эффективности» инвестиций не учитываются затраты на борьбу с негативными экологическими последствиями производства (Бауман З., 2004). Таким образом, в существующем социально-экономическом контексте продолжают развиваться глобальные проблемы:

– войны (выгодны как средство наращения капитала и эффективны как средство оперативного раздела и перераспределения ресурсов и власти);

– плохая экология (решать экологические проблемы выгодно, только если есть платежеспособный спрос на «экопродукты» и «экотехнологии» или население дополнительно оплачивает решение данных проблем, например, в виде средств из государственного бюджета);

– нищета и социальное неравенство (дефицит и социальное расслоение – базовое условие поддержания иерархических систем власти, элитаризма и соответствующих экономических систем контроля и распределения ресурсов (Jozeph P., 2017; Фреско Ж., Медоуз Р., 2002).

Без изменения базовых механизмов социально-экономической системы общества глобализация также не способствует решению общечеловеческих проблем за счет развития инновационной экономики и реализации концепции устойчивого развития. Транснациональные элиты «заинтересованы в реализации собственных интересов в пространстве единого мирового рынка, нередко за счет собственных стран и народов. Совокупность человеческих и социальных отношений для них наиболее эффективно рассматривать как товарные отношения, и,

соответственно, одним из важнейших тезисов «новых кочевников» является формула Бильдербергского клуба «власть – это товар» (Иванов В.Г., 2008). Таким образом, без существенных изменений в социально-экономическом, социально-политическом устройстве общества единственная существенная перемена, которую привносит процесс глобализации, – концентрация центров власти в руках не национальных, а транснациональных элит, а значит, и определение ими мировой инновационной политики развития общества.

Противоречие между декларируемой инновационной политикой развития общества и сдерживанием инновационного потенциала и творческого ресурса.

Сегодня в обществе, в котором экономический рост и конкуренция поддерживаются за счет непрерывного инновационного развития, с одной стороны, есть высокая необходимость в «творцах» (высококвалифицированных интеллектуальных людях с активной жизненной позицией, нешаблонным мышлением), с другой же стороны, сегодняшний социокультурный контекст, по большому счету, нацелен на формирование «потребителей», т.е. людей, не формирующих свои потребности самостоятельно и критически не оценивающих предлагаемых им «альтернатив», по сути – желающих и покупающих то, что им предлагают, регулярно использующих услуги, постоянно обновляющих свой парк техники, гардероб и т.д. Система образования и образ жизни «творцов» и «потребителей» принципиально различны.

Несоответствие реально необходимых и декларируемых целей инновационного развития.

Например, программа ЮНЕСКО развития «общества знаний»[1] по смыслу должна содержать в себе цель повышения уровня, качества знаний, уровня сознания людей, но содержание действий, совершаемых под эгидой программы (воспитание квалифицированного потребителя для обеспечения дальнейшего стимулирования и роста потребностей), противоречит действительному смыслу «общества знаний» и гуманистическому смыслу инновационной деятельности. Со слов бывшего (с 2004 по 2012 год) министра образования и науки А.А. Фурсенко[2], задача современной системы образования состоит в том, чтобы «создать квалифицированного потребителя». Данная установка противоречит гуманистическому смыслу «общества знаний» и является, на наш взгляд, крайне опасной и антигуманной с точки зрения развития человека и общества. В.И. Сергеев дает следующую характеристику результатам современных «инноваций» в образовании в России: «….отупение и обыдливание российского общества. Народ всё больше и больше погружается в пучину беспроглядной темноты и невежества, всё явственнее и явственнее становится послушным правящему классу буржуазии, биомассой рабов и люмпенов», «необразованная Россия нужна нынешней буржуазии и чиновничеству, образованная Россия требуется русскому народу»[3].

Также и концепция устойчивого развития, хотя и является формирующей методологической инновацией, однако, по сути, реализуется на практике очень поверхностно, так как суть гармоничного, сбалансированного развития гуманного общества противоречит «краеугольным камням» сегодняшнего социального устройства (власть, элитаризм, конкуренция, ориентация на прибыль, концентрация капитала). Для осуществления стратегических преобразований форм и механизмов социально-экономических отношений в обществе в соответствии с концепцией устойчивого развития необходима реализация инновационной политики, продвигающей и поддерживающей стратегические инновации, в первую очередь социальные.

Судьба власти на территории инноваций

Власть – лишь один из феноменов, проявляющийся в определенных человеческих культурах и социально-экономических системах, тогда как свобода, творчество и субъектность, лежащие в основе инновационной деятельности индивида – мета-культурные феномены человеческой сущности. Таким

[1] Согласно докладу, представленному секретарю ООН 23 октября 2013 г. «Повестка действий в целях устойчивого развития» и всемирному докладу ЮНЕСКО «К обществам знания», 2005 г.

[2] По словам А.А. Фурсенко на ежегодном молодёжном форуме на Селигере 23 июля 2007 года: «…недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других».

[3] Сергеев В.И. Реформа российского образования провалилась. URL: http://pravorub.ru/articles/9343.html (дата обращения: 24.10.2010 г.).

образом, власть не является обязательным условием и неотъемлемой «территорией» инновационного развития общества; феномен власти – лишь один из инструментов организации общественной жизни, укоренившийся в человеческом историческом опыте и применимый при низком уровне сознания и социальной ответственности людей. В частности, историк М.В. Кревельд, описавший процесс зарождения, вызревания и расцвета государства-корпорации, отмечает современный упадок института государства (его делигитимацию), который ведет к радикальной трансформации всего современного мира (Кревельд М.В., 2016).

Более того, известны примеры самоорганизующегося общественного развития. Так, в 1936–1939 годах в Испании, в одной из аграрных провинций – Арагоне, были поддержаны и реализованы на практике идеи либертарного коммунизма и анархизма. Структуры власти отсутствовали, советы осуществляли функцию перераспределения излишков продукции между коммунами, а также обмена товарами с соседними регионами. При этом не было лимитов на потребление и не было потребления сверх меры. Функцию валюты выполнял общественный договор. Эксперимент был успешным, длился около двух лет, в нем участвовало, по разным оценкам, от 500 до 800 тыс. человек, однако был вынужденно прекращен в 1939 г. в связи с распространением фашистского режима и установлением диктатуры в Испании.

В отличие от большевиков анархо-синдикалисты стремились не захватить государственную власть, а полностью отказались от идеи власти, денег и капитала, построив общество нового коммунного типа (Дамье В., 2010). Этот недлительный эксперимент показал, как в самоорганизующейся системе стихийно создаются необходимые учреждения и механизмы самоуправления, имеющие целью решить, а не «решать» определенную проблему или задачу, в отличие от традиционных бюрократических структур, склонных к формализму и заботящихся о самосохранении больше, чем о результате деятельности.

М. Букчин, исследователь испанского анархизма, квалифицирует его как *«антииерархическую идею»*, а не индивидуалистическую. Отличительной особенностью испанского анархизма является его направленность на устранение доминирования человека над человеком, а *не только* уничтожение государства и эксплуатации правящими экономическими классами, сосредоточенность на общине, а не на экономических компонентах хозяйства, при этом община основана на этике взаимопомощи, а не на договорной системе услуг и обязанностей (Букчин М., 2013).

Основная идея социального анархизма – стремление «к свободной ассоциации людей, живущих вместе и сотрудничающих в свободных сообществах» (Dolgoff S., 1986), понимание свободы личности как «концептуально связанной с социальным равенством и подчеркивающей общественное объединение и взаимопомощь» (Judith S., 2001).

Понимание системной причинности современных глобальных проблем приводит многих исследователей к выводам о необходимости разработки более эффективных форм организации общественной жизни. Разрабатываются концепции управления хозяйством, альтернативы власти, которые опираются на технологии, ресурсы мышления и деятельности. Так, например, представители московского методологического кружка *рассматривают в качестве цивилизационной альтернативы феномену власти «рефлексивно-диалогические отношения и управленческую деятельность»*[4]. С целями развития самоуправляемого гуманного общества тесно сопряжены идеи социальной экологии, моральной экономики и либертарного муниципализма. Социальная экология представляет собой перестраивающий (реконструирующий), экологический, коммунитарный (общинный) и этический подход к обществу, в котором живут люди, на основе продвижения прямой демократии и конфедеративной политики (Bookchin M., 2005). Моральная экономика – экономика, нацеленная не на получение прибыли, а на доставление средств существования его членам; предлагает выйти за рамки дефицита и иерархий, к новой гармонии отношений сообществ людей с миром природы, где признаются ценности разнообразия, творчества и свободы (John P.P., 2000). Либертарный муниципализм – идея общественной организации, основанной на системе общих собраний и практике прямой демократии; идея либертарных учреждений прямой демократии противопоставляется государству, заменяя его конфедерацией свободных

[4] Котельников С.В., Рац М.В. (21.04.2014 г.). *Власть или управление?* Получено из Гуманитарные технологии: информационно-аналитический портал: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6775.

муниципалитетов, или свободных коммун (Biehl J., 1997).

Во многих странах имеется большой исторический опыт развития локальных экономик территориальными обществами самоуправления (Тюрин Г.В., Тюрин В.Г., 2016). На принципах сетевого сотрудничества и самоорганизации основана технология блокчейн, намного превосходящая традиционную банковскую систему в обеспечении удобных и защищенных транзакций с любыми активами. Данная «альтернативная» инновационная экономика находится в смысловом противостоянии с целями увеличения (концентрации) прибыли и капитала корпораций, а также идеей централизованного управления социально-экономическими процессами и «существуя вопреки», показывает высокую эффективность в совместном инновационном развитии и создании инновационных продуктов.

Заключение

Каждый исследователь в гуманитарных науках осознанно или неосознанно (но самим фактом установления и поддержания направленности своей деятельности) делает принципиально значимый выбор исследовательского фокуса: совершенствование механизмов социальной и психологической *адаптации* к текущей социальной реальности или исследование психических ресурсов личности к свободному мышлению, творчеству, самоидентификации, создания организационных ресурсов *конструктивного воздействия* на социальную реальность. Сегодня большая часть современных гуманитарных исследований посвящена вопросам оптимальной «подстройки» человеческой психики, деятельности, социальных связей, инноваций и других социально-психологических аспектов к нормам современной культуры и «правилам игры» актуальной социально-экономической системы без их критического пересмотра. Такие исследования нацелены на решение лишь его тактических и оперативных проблем.

В современный межцивилизационный период, характеризующийся «сломом культурных кодов», «кардинальным изменением типа мировоззрения и смысловых ориентиров» (Павлов А.В., 2017, стр. 45), крайне важным оказывается не столько историчный, контекстуальный взгляд на инновации, сколько глубокое переосмысление ценностных основ инновационного развития общества и, на этой основе, формирование смыслов и путей развития более гуманной цивилизации и уже на этой базе – разработка и внедрение новых механизмов общественного развития, предполагающих изменение самой структуры социальной системы. Апробация, совершенствование более эффективных инструментов и форм организации инновационного развития гуманного общества для решения глобальных проблем возможны путем внедрения социальных инноваций, трансформирующих механизмы управления ресурсами, организации работ и распределения средств производства и результатов труда.

1. Арсеньев К.К., Петрушевский Ф.Ф. Энциклопедический словарь в 86 т. Т.6А (12). Часть 2 из 3. СПб.: Типо-литографія И. А. Ефрона. 1892. 170 с.

2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. 188 с.

3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда. 1916. 608 с.

4. Букчин М. Социальный анархизм или анархизм образа жизни? СПб: Самоопределение. 2013. 95 с.

5. Дамье В. История анархо-синдикализма. Краткий очерк. М.: Либроком, 2010. 152 с.

6. Иванов В.Г. Политические элиты: от национального к транснациональному уровню. М.: Российский университет дружбы народов, 2008. 301 с.

7. Кашанина Т.В., Кашанина А.В. Основы российского права. М.: Норма, 2000. 800 с.

8. Кревельд М.В. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, ИД «Социум», 2016. 544 с.

9. Павлов А.В. Философия современности и межвременья. Тюмень: ИД «Титул», 2017. 280 с.

10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015 (1946). 718 с.

11. Тюрин Г.В., Тюрин В.Г. Как поднять нашу глубинку. Локальная экономика в России и в мире. СПб.: Фонд развития местных сообществ «Инициатива», 2016. 312 с.

12. Фреско Ж., Медоуз Р. Все лучшее, что не купишь за деньги. ОО «Проектирование Будущего», 2002. 200 с.

13. Фролов И.Т. Философский словарь. Изд-е 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1986. 589 с.

14. Biehl J. Politics of social ecology. Montreal: Black Rose Books, 1997. 204 p.

15. Bookchin M. The Ecology of Freedom: The Emergence and Dissolution of Hierarchy. Oakland: AK Press, 2005. 480 p.

16. Davila T., Epstein M., Shelton R. Making Innovation Work: How to Manage It, Measure It, and Profit from It, Updated Edition. New Jersey, US: Pearson FT Press, 2012. 368 p.

17. Dolgoff S. Fragments: A Memoir. Cambridge: Refract Publications, 1986. 200 p.

18. John P.P. The Moral Economy. Michigan: University of Michigan Press, 2000. 296 p.

19. Jozeph P. The new human rights movement: reinventing the economy to end opression. Dallas: BenBella Books, 2017. 448 p.

20. Judith S. Anarchism, Utopias and Philosophy of Education // Journal of Philosophy of Education. 2001. 35(4), pp. 627–646. doi:10.1111/1467-9752.00249.

21. Trott P. Innovation Management & New Product Development, 5th ed.. Harlow: Trans-Atlantic Publications, Inc, 2011. 648 p.
22. Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. The network of global corporate control // PLoS ONE. 2011. 10 (6). doi:10.1371/journal.pone.0025995.

References

1. Arsen'ev K.K., Petrushevskij F.F. (1892) Jenciklopedicheskij slovar' v 86 t. T.6A (12). Chast' 2 iz 3, St. Petersburg: Tipo- Litografija I. A. Efrona, 170 p. [in Rus].
2. Bauman Z. (2004) Globalizacija. Posledstvija dlja cheloveka i obshhestva, Moacow, Ves' mir, 188 p. [in Rus].
3. Berdjaev N.A. (1916) Filosofija svobody. Smysl tvorchestva, Moscow, Pravda, 608 p. [in Rus].
4. Bukchin M. (2013) Social'nyj anarhizm ili anarhizm obraza zhizni? St. Petersburg, Samoopredelenie. 95 p. [in Rus].
5. Dam'e V. (2010) Istorija anarho-sindikalizma. Kratkij ocherk, Moscow, Librokom, 152 p. [in Rus].
6. Ivanov V. G. (2008) Politicheskie jelity: ot nacional'nogo k transnacional'nomu urovnju, Moscow, Rossijskij universitet druzhby narodov, 301 p. [in Rus].
7. Kashanina T.V., Kashanin A.V. (2000) Osnovy rossijskogo prava. Moscow, Norma, 800 p. [in Rus].
8. Krevel'd M.V. (2016) Rascvet i upadok gosudarstva, Moscow, IRISJeN, ID "Socium", 544 p. [in Rus].
9. Pavlov A.V. (2017) Filosofija sovremennosti i mezhvremen'ja, Tjumen', ID "Titul", 280 p. [in Rus].
10. Rubinshtejn S.L. (2015). Osnovy obshhej psihologii, St. Petersburg, Piter, 718 p. [in Rus].
11. Tjurin G.V., Tjurin, V.G. (2016) Kak podnjat' nashu glubinku. Lokal'naja jekonomika v Rossii i v mire, St. Petersburg, Fond razvitija mestnyh soobshhestv "Iniciativa", 312 p. [in Rus].
12. Fresko Zh., Medouz, R. (2002) Vse luchshee, chto ne kupish' za den'gi, OO «Proektirovanie Budushhego», 200 p. [in Rus].
13. Frolov I.T. (1986) Filosofskij slovar'. Izd-e 5e, Moscow, Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 589 p. [in Rus].
14. Biehl J. (1997) Politics of social ecology, Montreal, Black Rose Books, 204 p. [in Eng].
15. Bookchin M. (2005) The Ecology of Freedom: The Emergence and Dissolution of Hierarchy, Oakland, AK Press, 480 p. [in Eng].
16. Davila T., Epstein M., Shelton R. (2012) Making Innovation Work: How to Manage It, Measure It, and Profit from It, Updated Edition, New Jersey, Pearson FT Press, 368 p. [in Eng].
17. Dolgoff S. (1986) Fragments: A Memoir, Cambridge, Refract Publications, 200 p. [in Eng].
18. John P.P. (2000) The Moral Economy, Michigan, University of Michigan Press, 296 p. [in Eng].
19. Jozeph P. (2017) The new human rights movement: reinventing the economy to end opression, Dallas, BenBella Books, 448 p. [in Eng].
20. Judith S. (2001) *Journal of Philosophy of Education*, 35(4), pp. 627-646, doi:10.1111/1467-9752.00249 [in Eng].
21. Trott P. (2011) Innovation Management & New Product Development, 5th ed., Harlow, Trans-Atlantic Publications, Inc, 648 p. [in Eng].
22. Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. (2011) The network of global corporate control. *PLoS ONE*, no. 10 (6), doi:10.1371/journal.pone.0025995 [in Eng].

UDC 111.5

EXISTENCE AND FATE OF INNOVATIONS ON THE TERRITORY OF POWER

Levkina Anastasiya Olegovna,
Tyumen State University,
The Department Chair of Mathematical Methods, Information Technologies and Management Systems in Economics,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: anastasia@orgpsiholog.com

Annotation
The article is devoted to understanding ontological aspects of innovations in connection with the phenomenon of power from the viewpoint of humanistic approach based on values of reasonable freedom of will and creativity of a person. Creative activity of a person or a group of people aimed at solving topical social problems and tasks is defined as an essential reason for innovation on the stage of formation. Power is considered as the context of up-to-date innovative activity, current way of managing social development and organizing social activity. Consequently, phenomenon of power as a context and as a product of culture can be transformed or excluded from cultural context in the process of progressive innovative development of a society. To realize strategic transformations of forms and mechanisms of social-economic relations in a society in accordance with the aims of stable development the author justifies recommendations for working out innovative policy advancing and supporting strategic social innovations.

Key concepts:
innovations,
innovative development,
power,
state power,
innovative policy,
ontology of innovations,
social innovations.